

Любовь
ШАПОВАЛОВА
г. Архангельск

Всем известно, что родина Ломоносова – деревушка близ Холмогор. Невеликая эта деревушка приткнулась к подножию холма в центре Курострова. «Двина в этом месте, между Вавчугой и Холмогорами, будто раздулась, образовав целые гроздья островов, поделённые многими рукавами; воды было так много, что речка Холмогорка и та казалась шириной с Малую Неву», – удивлялся русский поэт Константин Случевский, путешествуя по Северной Двине в 1885 году и сохранив удивление своё в путевых очерках.¹ Местность эта называется «Холмогорская дельта» или «Холмогорская лука». Здесь Двина действительно разбивается на несколько рукавов (потому и «дельта»), растекается вширь на несколько десятков вёрст, обнимая множество низких, чуть всхолмленных островов. Среди них три самых больших: ближний к левому, холмогорскому, берегу Нальостров, средний – прославленный родиной Ломоносова Куростров, чуть ниже по Двине и ближе к правому берегу – Ухтоостров. Именно здесь, на берегах и островах Холмогорской разливы, впервые появилось в древнем Заволочье постоянное русское население – поселились новгородские наместники. Местность эта стала поистине «сердцем» Русского Севера.

В начале мая удалось мне попасть на Ухтоостров. Интересно отметить, что все малые острова Холмогорской дельты низменные, да и Куростров, и Нальостров невысокие, а вот Ухтоостров – как каравай, вернее даже как пасхальный кулич, только вытянутый в длину: кругом высоченные, отвесные берега, а посреди – оглаженный мягкой линией

холм. Даже в самую большую воду дома́ деревень, поля и покосы не заливают. Может, и по этой причине первопоселенцы выбрали этот остров. В исторических документах Ухтоостров наряду с Холмогорами впервые упомянут в Уставной грамоте Великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1398 г.² Когда же пришли сюда, на высокий остров Холмогорской разливы, славяне? Кто знает – может, в XII веке, а может, и раньше. Однако историками достоверно установлено, что первое в древнем Заволочье постоянное русское, славянское население появилось именно в районе Холмогорской разливы – здесь поселились первые новгородские наместники. Есть предположения, что в XVII веке на Ухтоострове был древний центр Нижнего Подвинья, если не равный по значимости Холмогорам, то, по крайней мере, второй по значимости в обширной Холмогорской округе.

Остров совершенно безлесный, распаханый с незапамятных времён, лишь редко где близ деревень возвышаются одинокие матёрые ели с ров-

¹ К. К. Случевский. По Северу России. Серия «Ломоносовская библиотека». М., 2008. С. 269-270.

² Двинская уставная грамота – древнейшая из сохранившихся грамот наместнического управления. Она была выдана великим князем Василием Дмитриевичем (старшим сыном Дмитрия Донского) в 1398 г. населению Подвинья после того, как оно на короткий срок перешло из-под власти Новгородской республики в зависимость от Московского великого княжества. Грамота адресовалась всем жителям Двинской земли. В ней, в частности, перечислялись поселения, которые отныне должны были платить налог Москве (Архангельский Север в документах истории (с древнейших времён до 1917 г.). Хрестоматия. Архангельск, 2004. Документ № 15).

ными пирамидальными, словно по линейке очерченными – на просторе выросли! – кронами да приткнулись у берегов берёзовые рощицы или куртинки осинника. Красноглинистые береговые откосы, чуть прихваченные слоем земли с травкой-муравкой, кое-где изрезаны глубокими извилистыми оврагами. Дома деревень или выстроены недлинными рядками по обрыву берега, или лежат по кромкам оврагов. С высокого берега к реке можно спуститься только по дну некоторых оврагов – там устроены пологие спуски.

Издавна остров незримой линией был разделён вдоль на два прихода: Троицкий на северной половине и Богоявленский на южной. Самые высокие места, самые крутые крутояры берегов издавна увенчивали вертикали храмовых строений. Поперёк острова с севера на юг, из Троицкого в Богоявленский приход, аккурат через вершину холма бежит просёлок. Я иду по нему на южную сторону. Майский день пронизан солнцем – светлый, прозрачный от блестящей коры осин и отчаянно белых стволиков берёз и лимонно-жёлтый от зацветающих ивняков. И одновременно светло-изумрудный от травяных стрелок, бурно пробивающих некошенный прошлогодний «матрас». Если бы не ветер, пожалуй, день бы был тёплый – в заветерье уже заметно пригревает. Но день ветреный – страх! Всегда есть где разгуляться ветрам на просторе Холмогорской разливы. На высоком «кулич-острове» ветер ещё сильнее. Пришлось замотаться в платок, застегнуть высокий воротник куртки. А на вершине холма разве что с ног не сбивает, приходится идти, как в пургу, немного внаклонку, сопротивляясь порывам ветра.

Зато, взойдя на вершину холма и оглянувшись вокруг, непременно остановишься, забывая о пронизывающем ветре – поражаешься раскрывающейся картиной, эпическим простором северной реки. Как передать тот лёгкий восторг, что возникает от зрелища голубовато-серой необъятности воды и неба, позлащённой майским солнцем – в общем-то, простого, обычного, но такого милого и светлого северного пейзажа?! Ух ты! – выдыхаешь, не в силах подобрать слова. Может, потому и Ухт-остров?

«Природа и труды человеческие потщилися (*постарались*. – **Прим. авт.**) место сие обложить изящнейшим горизонтом. Изобильнейшие воды окружают повсюду пашни и сенокосы, прерывающиеся несколькими лесами и многочисленными холмами, которым наибольшую живость придают близлежащий город (*Холмогоры*. – **Прим. авт.**), великое множество погостов и многочисленные разных родов селения. Трудолюбие многолюдных поселян, великое плавание судов вверх и вниз по Двине, по Курополке и по разливам, звон и шум городской и

селений, к тому же изобилие рыб, птиц и всяких для жизни потребностей должны составлять наипрелестнейшую картину, когда натура облачается в радостную одежду приятных весны», – восхищался Холмогорской разливой ещё в 1791 году столичный путешественник П. И. Челищев.³ Вот ещё восторженные строки – это архангелогородец, учитель и журналист В.П. Верещагин, который посетил разливу спустя шесть десятилетий после путешествия Челищева: «Полюбуйтесь панорамой Двины, которая извивается глубоко под ногами вашими! Отсюда открывается прелестный вид. В этом месте Двина раздалась от одного берега до другого вёрст на десять, вытесненная девятью островами. Ближайший... называется Куростров, около которого лежат другие мелкие. Издали эти острова очень красивы: они покрыты холмами, поросли в иных местах лесом; инде сверкает озеро или извилина речки. А там, вдали, белеются церкви как бы утонувшего в туманной синеве города Холмогоры».⁴ В подлиннике не указано, на каком угоре-крутояре стоял автор этих строк, любуясь простором, но как хочется думать, что здесь, на вершине ухтоостровского холма.

Я тоже вглядываюсь в двинское раздолье. Что тянет человека подняться повыше, посмотреть подальше? Широта и беспредельный простор создают впечатление неизменности, вечности пейзажа. Пожалуй, так оно и есть. Всё вокруг величественно, просто и спокойно. Никогда не надоест глядеть на простор реки и её берега – в них краса Двины. Стоять и глядеть здесь можно бесконечно.

Отсюда, с высокого острова, дозору русичей (а может, и чудского племени) было весьма удобно наблюдать за рекой – на десяток вёрст вверх и вниз по течению прекрасно видно! Думается, не последним фактором у первооселенцев была и красота места. Здесь испытываешь и восторженное удивление перед безошибочным художественным чутьём, помогавшим создателям древних храмов находить самые впечатляющие места для сооружений.

За моей спиной – Троицкий погост, один из древнейших в Заволочье. Огромный белокаменный, бесконечно красивый Троицкий храм, главный на погосте, не пережил лихого, безбожного XX века. От него – лишь место, площадка. Сохранились соседний Варваринский храм и мощная, с

³ Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. Серия «Ломоносовская библиотека». М., 2008. С. 143.

⁴ Верещагин В.П. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. С. 367. Василий Петрович Верещагин окончил Архангельскую гимназию, служил учителем истории и географии в различных училищах Архангельской губернии. Много публиковался в различных периодических изданиях. Самая крупная и известная его работа – книга «Очерки Архангельской губернии».

огромными арками верхнего яруса колокольня. Её узорчатый кованный крест, вознесённый на шатёр высоченной башни, да ещё на крутояре берега, цепляет облака. Колокольня, отмечающая древний центр Ухтострова, видна с самых дальних мест Холмогорской разливы. Она словно собирает вокруг себя древние деревни и современные дачные посёлки, не давая им разбрестись по правобережью. В ясный, как сегодня, день колокольня видна с берега близ чухчеремского погоста (это с десяток вёрст), а уж с тамошней колокольни – и подавно. Впрочем, о древней истории Ухтострова и его храмовом зодчестве должен быть отдельный разговор. Может, я расскажу об этом в другой раз. К слову: книга Ломоносова «Древняя российская история» была первым печатным трудом по русской истории и первым учебником истории.

Справа, под обрывом и деревней в подгорье – судходное русло Двины. Оно прижимается к правому материковому берегу. Вода глубокой синевы со стальным отливом. Двина словно бы взъерошена-диковата после недавнего половодья, вся в барашках невысоких, но бурных волн, ослепительно, до рези в глазах блестящих в брызгах солнечного света. На том берегу, отороченном мягкой серебристо-зелёной опушкой ивняков, дымка желтовато-палевых, ещё прозрачных крон берёз. На фоне сочной густоты ельника белизна росчерков их стволиков кажется ещё белее. Бескрайний ельник увалами уходит за горизонт. Кое-где у воды видны известняковые обнажения матерой земли.

Влево, куда я направляюсь, на горизонте, на фоне ясно-звонкого, глубокой, пронзительной голубизны северного неба в разрывах дымчато-серых облаков появляются чёткие пирамидки высоких тёмно-серых елей. Лишь перевалив через вершину холма, замечаешь, что одна из этих «елей» увенчана маленькой главкой, такой же тёмно-серой. По мере приближения путника деревянный шатёр с главкой выступает вперёд, а деревья отступают на дальний план. Там так и есть – четыре огромные старые ели с ровными кронами поставлены в ряд. Они, словно стража, защищают храмы Богоявленского прихода от ветра и огораживают территорию погоста с юга, со стороны двинской протоки. Ветер с реки создаёт в кронах елей постоянный довольно сильный, даже грозный шум. За широкой двинской протокой – северо-восточная сторона Курострова. С церковного пригорка прекрасно, как на ладошке, видны блестящие двинские протоки и бесконечное «зелёное половодье» широких волнистых лугов с рассыпанными близ воды островными деревеньками-невеличками, охватившими в подгорье, словно ожерелье, струящийся в светлом мареве

пологий холм в центре Курострова. Холм этот закрывает собой противоположный матерый берег Двины с достославным градом Холмогорами.

На север с вершины «кулич-острова» раскрывается не менее дивная картина – расстилаются безграничные дали, распаивается беспредельный простор двинской поймы: впереди безлесный мыс-язык острова, обрываясь в протоку, продолжается длинной низкой луговиной, далеко справа за серыми шиферными крышами деревеньки проблёскивает корабельное русло, а слева, за высокими тополями близ другой деревеньки – двинская протока, и где-то у горизонта два потока воды соединяются в один, снова становясь единой могучей северной рекой. Двина ниже Ухтострова достигает необычайной ширины, водная гладь, разливаясь, словно бы заворачивает за горизонт. Вода с оттенком старого серебра неторопливо струится меж красно-бурых отвесных берегов, истыканных множеством ласточкиных гнёзд. Дома деревенок, рассыпавшихся на обоих матерых (материковых) берегах, можно рассмотреть с трудом, и не перестаёшь удивляться высоте, на какую они взгромоздились. Вдалеке на широком просторстве реки пытит буксир, с натугой тащит против течения большую баржу. Отсюда баржа кажется жучком, ползущим по серому асфальту дороги. Гулко в воздухе. Птиц над холмом совсем нет – их бы сразу снесло ветром, лишь иногда над Двиной вспыхнет снежной белизной крыла одинокая чайка да в подгорье, над нижней деревней, без устали стригут свежий майский ветер стрижи.

Природа облачается в «радостную одежду приятная весны». Затуманены леса на матерых берегах. В мягкой дымке встают просвеченные солнцем берёзовые рощицы на краю острова, краснеет тонкая штриховка краснотала, осыпанная жёлтыми пуховичками. Чуть покатая луговина покрыта мягкими изумрудными ворсинками первородной зелени. Травы тянутся из земли прямо на глазах.

*Светлый покой опустился с небес
И посетил мою душу!
Светлый покой, простираясь окрест,
Воды объемлет и сушу.*

Это строчки Николая Рубцова. Если бы не ветер, был бы действительно «светлый покой». Ветер неистовствует. Он ключьями сносит дым из трубы топящейся баньки, гнёт берёзы на северной оконечности острова, расчёсывает космы ивняка, приглаживает короткую травку, треплет мой платок. Порывы ветра разрывают лёгкие дымчато-серые облака. Тени от них пролетают по широкой покатою луговине. Вслед за тенью прорывается солнце, и тогда у

каждого дерева, у каждой былинки появляется свой солнечный отблеск. Солнце, очутившись в широком разрыве облаков, обливает остров мягким светом. Широкий солнечный луч золотит верхушки елей на южном берегу острова и край ещё прозрачной, с новорождённой листвой осинового куртинки близ дороги. Стволики осинок блестят, словно политые косым светлым дождём. Кажется, слышно, как с лёгким шелестом разворачиваются нежные листочки. День тонет в остром и чуть горьковатом запахе свежей листвы, доносимом от этого осинника. В канаве у дороги мокро блестит жёлтыми звёздочками калужница.

И весь этот огромный мир, расстилающийся подо мной – передо мной, безмолвствует. Вдруг поймала себя на ощущении, что необычно тихо. Не слышно призывных гудков пароходов на реке (редко кто теперь тревожит Двину), нет гула самолётов (трасса далеко отсюда), даже не слышно обычного шума в деревне за спиной. Крики чаек сдувает ветром. Лишь приглушённым звуковым фоном – шум деревьев на северной оконечности острова и плеск волн. Наверное, так и нужно – созерцать огромный мир в тишине. В океане тишины предчувствия лета, в свежем, горьковатом запахе нарождающейся листвы и влажной нагретой земли. О, этот двинской простор!

*...Как сердцу вид его отраден,
Как нежит душу, тешит взор,
Как в простоте своей наряден,
Как величав и безогляден
Пред ним раскинулся простор!
Реки серебряный извив,
Блестящий в мураве зелёной;
По зыбким скатам жёлтых нив*

*Бродящей тени перелив
И рощей сумрак отдалённый...
Виднеют сёла... Здесь и там
Сверкает крест, белеет храм.
Куда ты взор не обратишь,
Какая ширь! Какая тишь!
Но всюду в ней снуёт, бесшумный,
Рабочей Руси труд святой...
О чудный мир земли родной,
Как полон правды ты разумной!⁵*

Это строчки Ивана Сергеевича Аксакова. Подумать только – 1878 год! Никогда не был Аксаков на холмогорской земле, вид окрестностей его поместья тешил его взор. Но сколь точно описание, сколь чеканны, выверены строки!

Какое же удивительное, былинное место – Ухтоостров! Я обязательно приведу сюда своих друзей, с которыми ходим в паломнические походы по двинской земле вот уже несколько лет. Друзей, которые так же чувствуют, так же понимают. Ведь если мне зачем-то дано было увидеть эти деревни, и эти древние погосты, и этот простор, то это не просто так. С этим нужно что-то сделать! Ну хотя бы сфотографировать! Или попытаться выложить свои чувства на бумагу. Нельзя же одному и смотреть, и дышать здесь, а потом просто развернуться и уйти, и люди не будут знать, какая бывает на земле красота! Мои друзья так же, зачарованные, будут стоять на вершине ухтоостровского холма, вглядываясь в двинскую даль. А за далью открывается новая даль, а там своя, иная даль, и нет им конца.

⁵ И. С. Аксаков. Варварино. Фрагмент. 18 августа 1878 г.

Любовь Геннадьевна ШАПОВАЛОВА

окончила Архангельский лесотехнический институт,

кандидат технических наук,

исследователь и пропагандист северного деревянного зодчества.

Автор пяти монографий.

Научные статьи и литературно-художественные очерки

публиковались в журналах и альманахах

«Вопросы истории естествознания и техники»,

«Архитектурное наследство», «История науки и техники»,

«Двина», «Север», «Слово», «Вологодский лад» и других изданиях.

